

Лев Николаевич Толстой

Письма. (1904–июнь 1905)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Письма. (1904–июнь 1905) / Лев Николаевич Толстой – М.: Книга по Требо-
ванию, 2012. – 318 с.

ISBN 978-5-4241-0756-6

ISBN 978-5-4241-0756-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Защищая и выражая интересы многомиллионного русского крестьянства, изнывавшего под гнетом помещичьей кабалы, капиталистической эксплуатации и полицейского насилия, Толстой, начиная с 80-х годов XIX в., выступает непримиримым противником и страстным обличителем всех форм и проявлений экономического и политического угнетения народных масс.

В целом ряде своих публицистических статей 80—90-х годов Толстой разоблачает грабительский характер колониальных и империалистических войн, выступает против пагубных последствий политики милитаризма, проводимой крупнейшими державами и тяжелым бременем ложившейся на плечи народных масс.

Как огромное бедствие воспринял Толстой и начавшуюся в январе 1904 г. войну между Россией и Японией.

С первых дней русско-японской войны Толстой понял и осудил ее захватнический характер. «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый правительствами и вынужденный воевать против своего благополучия, совести и религии», ¹ — отвечал Толстой на просьбу газеты «The North American» высказать свое мнение о начавшейся войне.

Именно захватнический характер русско-японской войны исключал для Толстого возможность встать на сторону той или другой из воюющих стран, вызывая в нем только глубокое сочувствие к насильно втянутым в войну народам.

Писатель был до глубины души возмущен и подавлен чудовищной бессмысленностью гибели и страданий десятков тысяч русских крестьян и рабочих, посланных на убой во имя грабительских вожделений царизма. В письмах к родным, знакомым и совсем чужим людям Толстой с неизменным негодованием и одинаковой откровенностью говорит о «безумии», «мерзости», «преступности» «этой ужасной войны».

Всемерно сочувствуя насильно угнанным на войну солдатам и матросам, Толстой не находил никакого оправдания тем, кто добровольно принимал в ней то или другое участие. Собственному сыну Л. Л. Толстому, выразившему желание отправиться в действующую армию военным корреспондентом, он

¹ Т. 75, стр. 38.

писал: «Для меня безумие, преступность войны... так ясны, что кроме этого безумия и преступности ничего не могу в ней видеть, и мне кажется, что по отношению к войне всякий нравственный человек должен только стараться устраниваться от нее, не участвовать в ней, чтобы не забрызгаться ее мерзостью». ¹

Но сам Толстой был настолько взволнован, «захвачен» и озабочен дальневосточными событиями, что не мог оставаться их пассивным наблюдателем. Он живо откликался на поступавшие к нему из деревень жалобы солдаток и стариков, у которых война отняла их единственных кормильцев. От имени жен и родителей мобилизованных в армию крестьян Толстой не раз писал прошения «по начальству», хлопоча о возвращении многих взятых на войну «запасных» к их семьям и мирному труду.

Живя одной неразрывной жизнью со своим народом, Толстой не мог не высказать публично свое возмущение развязанной царизмом войной и выступил против нее с страстной обличительной антиправительственной статьей «Одумайтесь!». «Я никак не думал, — писал он великому князю Н. М. Романову, — чтобы эта ужасная война так подействовала на меня, как она подействовала. Я не мог не высказаться об ней и послал статью за границу, которая на днях появится и, вероятно, будет очень не одобрена в высших сферах». ²

В статье «Одумайтесь!» Толстой характеризует дальневосточную войну как одно из самых страшных «злодеяний», совершенных царизмом над русским народом. Писатель с возмущением говорит о том, что войну «затеяли» «безнравственные, тщеславные люди, сидящие теперь спокойно в своих дворцах и ожидающие новой славы и новых выгод и барышей от убийства этих 50 000 ни в чем не виноватых, ничего не приобретающих своими страданиями и смертями, несчастных, обманутых русских рабочих людей». ³

Писатель отчетливо сознавал и со всей убедительностью разоблачал непримиримую враждебность империалистической политики царизма жизненным интересам трудящихся масс.

Безоговорочно осуждая захватнические цели войны и тех, кто развязал ее на горе народу, Толстой вместе с тем тяжело

¹ Т. 75, стр. 74—75.

² Там же, стр. 116—117.

³ Т. 36, стр. 137.

переживал неудачи, преследовавшие русскую армию на Дальнем Востоке. «Сдача Порт-Артура огорчила меня, мне больно», — пишет он в Дневнике 31 ноября 1904 г. и добавляет: «Это патриотизм». ¹

Всю ответственность за потерю Порт-Артура и за другие «постыдные» с патриотической и военной точки зрения поражения русских войск Толстой справедливо возлагал на правящие круги, «которые затеяли» войну, посылали «на смерть десятки тысяч русских людей» и вели ее «так дурно, небрежно», «так непредвиденно, неприготовленно». ²

Рисуя потрясающую картину коррупции царского правительства, обличая продажность и цинизм царских ставленников, беззастенчиво наживавшихся на войне, грабивших народ и разоблачая ложь и лицемерие верноподданнической шумихи, Толстой в своей статье «Одумайтесь!», обращаясь ко всем миролюбивым народам, спрашивал: «Да когда же это кончится? И когда же, наконец, обманутые люди опомнятся и скажут: «да идите вы, безжалостные и безбожные цари, микады, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты и как там вас называют, идите вы под ядра и пули, а мы не хотим и не пойдем. Оставьте нас в покое, пахать, сеять, строить...» ³

Толстой надеялся, что позорная для царизма, ненужная и тягостная для народа война до конца откроет глаза широким массам на «преступность» «глупого, жестокого и лживого русского правительства», убедит народ в необходимости пассивного неповиновения ему и тем самым приведет самодержавие к полному и окончательному крушению.

Вот почему Толстой придавал такое огромное значение всем случаям отказа от военной службы, от вступления в действующую армию, видя в этом начало конца насильнического строя.

Вот почему Толстой при всем своем осуждении войны был склонен видеть в ней не только «ужасное», но и «знаменательное», «чреватое огромными последствиями», «благодетельное событие», отрезвляющее сознание масс и открывающее народу перспективу освобождения от какого бы то ни было политического насилия.

¹ Т. 55, стр. 111.

² Т. 36, стр. 138.

³ Там же, стр. 143.

Царизм потерпел в русско-японской войне не только военное, но и политическое поражение. Война приблизила уже давно назревавшую в России революцию, что по-своему понимал и чувствовал Толстой, видевший нарастание народного гнева и возмущения. В 1906 г. он прямо назвал войну с Японией одной из «внешних» причин революции, «толчком, который превратил невидную, глухую, внутреннюю работу в явное сознание незаконности требований правительства». ¹

Желая окончательного крушения самодержавно-помещичьего строя, Толстой, однако, отвернулся от начавшейся в 1905 г. революции, направленной на свержение этого строя, не сочувствовал ей. С этой двойственной, противоречивой позиции Толстой воспринял и события 9 января 1905 г., ознаменовавшие начало революционной бури.

«Кровавое воскресенье» произвело на Толстого удручающее впечатление и было воспринято им как новое злодеяние царского правительства, о чем он во всеуслышание заявил в статье «Об общественном движении в России».

Но к выступлению рабочих, обратившихся к царю с политическими требованиями, Толстой отнесся крайне отрицательно. Он писал, что, по его мнению, «рабочие манифестации» представляют собой «явления искусственные, не выражающие несколько желаний и требований русского народа». ²

Та же мысль неоднократно высказывалась и аргументировалась Толстым и в публицистике и в письмах этих лет.

«Если только народ, настоящий народ, сто миллионов мужиков земледельцев своим пассивным неучастием в насилии не сделает ненужною и безвредною всю эту несерьезную, шумную раздраженно-самолюбивую ораву, мы непременно придем к военной диктатуре, и придем через великие злодеяния и развращение, которые уже начались», ³ — утверждал Толстой в письме к В. В. Стасову. Он резко осуждает все виды и формы политической борьбы с царизмом, в том числе даже и мирные выступления рабочего класса с политическими требованиями. Когда же эти выступления стали принимать все более массо-

¹ Т. 36, стр. 249.

² Т. 75, стр. 208.

³ Т. 76, стр. 193.

вый, активный и вооруженный характер и, охватив почти все крупные промышленные центры России, подняли на революционный штурм самодержавно-помещичьего строя крестьянские массы, Толстой усмотрел во всем этом лишь «братоубийственные насилия», не только не приближающие, но и отдаляющие час народного освобождения.

В дни грандиозных рабочих стачек и забастовок, баррикадных боев, массовых захватов крестьянами помещичьих земель и ожесточенного, беспощадного сопротивления царского правительства Толстой выступал с проповедью «непротивления злу насилием» и призывал как правительство, так и борющиеся с ним силы к смирению и всепрощению.

Революционному пути организованной массовой борьбы Толстой противопоставил путь «пассивного неучастия» масс в правительственных «насилиях» и нравственного самоусовершенствования. Этой мыслью проникнуто большинство писем Толстого 1904—1906 гг.

На многочисленные запросы своих корреспондентов, как следует относиться к революционным выступлениям и политическим требованиям народных масс, Толстой неизменно советовал не участвовать в политических «насилиях», «с чьей бы стороны они ни совершались».

Эта проповедь наносила делу революции самый прямой и непосредственный вред. «Не противься злу насилием, — писал с возмущением А. М. Горький. — Я не знаю в истории русской момента более тяжелого, чем этот, и не знаю лозунга более обидного для человека, уже заявившего о своей способности к сопротивлению, к *бою за свою цель*». ¹

В то же время Толстой с еще большей страстностью и убежденностью, чем прежде, обличает бесчеловечность «рабства», в котором находился народ у помещиков и капиталистов, ужасы солдатчины, бедствия крестьянского безземелья, несправедливость и тяжесть податной системы, разоблачает «церковный обман», грабительские, «разбойничьи» действия царизма и призывает к «неповиновению» ему.

Беспощадная и глубоко справедливая критика великим писателем «всех современных государственных, церковных, общественных, экономических порядков» ² царской России,

¹ А. М. Горький, Собр. соч., т. 24, Гослитиздат, М. 1953, стр. 53.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 301.

звучавшая на весь мир, вопреки его воле и желанию не только оправдывала революционный протест масс, но объективно содействовала их освободительной борьбе. И, несмотря на то, что Толстой отстранился от революционной борьбы и осуждал ее, он ни в какой мере не хотел поражения революции и горячо возражал, когда его подозревали или упрекали в этом. «Я тоже не согласен с вами с приписываемой вами мне роли в нашей революции: ни в том, что я виновник ее, ни еще менее в том, что я не признаю ее и желал бы задавить ее... я радуюсь на революцию, но огорчаюсь на тех, которые, воображая, что делают ее, губят ее. Уничтожит насилие старого режима только неучастие в насилии, а никак не новые и нелепые насилия, которые делаются теперь». ¹

Толстой принимал революцию и радовался на нее постольку, поскольку видел в ней несомненное выражение охватившего широчайшие массы «сознания незаконности требований правительства». «Россия переживает важное, долженствующее иметь громадные последствия время», ² — писал он об этом в 1905 г. «Престиж власти разрушен, и перед русскими людьми нашего времени, перед огромным большинством их, возник во всем великом значении вопрос о том, должно ли, следует ли повиноваться правительству. В этом возникшем в русском народе вопросе — одна из причин предстоящего, а может быть, и начавшегося великого всемирного переворота». ³

Таким образом, Толстой в известной мере сочувствовал русской революции, по-своему понимал ее мировое значение. Политическую борьбу, вооруженные выступления Толстой считал величайшим заблуждением народа, но от которого, по его мнению, он не может не освободиться по мере обострения и развития революционных событий. Освобожденные от революционных иллюзий, ставшие на позицию неучастия во зле массы обретут ту силу, которая, с его точки зрения, сумеет обновить на началах справедливости сначала русскую жизнь, а потом и весь мир. С этой утопической и реакционной точки зрения Толстой оправдывал революцию и утверждал ее необходимость.

В самый разгар революции, за несколько дней до декабрьского восстания, Толстой с неколебимой убежденностью пишет

¹ Т. 76, стр. 193—194.

² Т. 36, стр. 206.

³ Там же, стр. 249—250.

В. В. Стасову: «События совершаются с необыкновенной быстротой и правильностью. Быть недовольным тем, что творится, всё равно, что быть недовольным осенью и зимой, не думая о той весне, к которой они нас приближают». ¹

Весьма сложное и противоречивое отношение Толстого к революции отражало некоторые из тех существенных сторон и объективных противоречий самой революции, в которых выразилось ее историческое своеобразие и которые во многом предопределили ее исход.

III

Одна из главных отличительных черт революции 1905 года, по определению В. И. Ленина, состояла в том, что «это была *крестьянская* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии». ²

Но в то же время первая русская революция была и пролетарской «не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий». ³

Толстой воспринял революцию с позиций патриархальной крестьянской массы. В силу этого писатель не мог не сочувствовать основной демократической задаче революции — коренному изменению условий жизни крестьянских масс, освобождению их от помещичьей кабалы и самодержавно-полицейского гнета. Толстой был по-своему прав, когда не без гордости писал в дни революции В. В. Стасову, что «состоит» «во всей этой революции в звании, добро и самовольно принятом на себя, адвоката 100-миллионного земледельческого народа» и

¹ Т. 76, стр. 59.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 294.

³ Там же, т. 23, стр. 231.

сорадуется «всеми, что содействует или может содействовать его благу». ¹

Благо же народа, по глубочайшему убеждению писателя, заключалось в освобождении от «земельного рабства» и «правительственных насилий», то есть именно в том, к чему стремилось крестьянское движение в первой русской революции и что составляло одну из важнейших ее демократических задач. Крестьянство было в глазах Толстого единственным подлинным носителем общенародных интересов. В промышленном пролетариате Толстой не видел самостоятельного общественного класса с своими особыми и во многом отличными от крестьянских интересами и задачами. Рабочий для Толстого — это не более как обезземеленный крестьянин, жаждущий только возвращения к земле, к крестьянскому труду и хозяйству. Толстой был убежден, что, выражая «волю» «земледельческого народа», он тем самым говорит от лица всех трудящихся, всего народа, всех «рабочих людей».

Представляя и выражая настроения и чаяния патриархальной деревни, Толстой крайне ограниченно, а во многом и ошибочно, понимал задачи и цели русской революции.

Отмечая в 1905 г. правильность и своевременность социал-демократического лозунга об образовании революционно-крестьянских комитетов, то есть органов диктатуры революционного крестьянства, Ленин в то же время указывал на необходимость считаться с тем, что в крестьянском движении еще таится «масса темноты, бессознательности», и предостерегал об опасности каких-либо иллюзий на этот счет. «Темнота мужика, — говорил Ленин, — выражается прежде всего в непонимании *политической* стороны движения, в непонимании, например, того, что без коренных демократических преобразований во *всем* политическом строе *всего* государства совершенно невозможны никакие прочные шаги на пути расширения земле-владения». ²

В отстранении Толстого от политики, в его убежденности, что выдвинутые рабочими требования «и свободы печати, и свободы собраний, отделения церкви от государства, даже восьмичасового дня — для большей массы крестьянства не

¹ Т. 76, стр. 45.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 219.

представляют никакого интереса... что он (земледельческий народ. — *Е. К.*) ждет и желает одного: освобождения земли от права собственности, общности земли», ¹ объективно отразилась политическая незрелость крестьянского движения эпохи первой русской революции.

Удовлетворение этого самого заветного крестьянского желания представлялось Толстому, как и самому крестьянству, единственно возможной, необходимой и при этом кардинальной мерой раскрепощения всех трудящихся, мерой, которая «делает излишними все сложные требования рабочих».

Подобная трактовка места и значения земельного вопроса в освободительном движении масс была не только очень далека от ближайших политических задач этого движения, но и прямо заострена против «политики» вообще и рабочего движения в частности. Но в то же время она носила демократический характер, выражая одновременно и революционное стремление крестьянства — «смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на месте полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян» ² и его незнание подлинных путей осуществления этих своих желаний.

«Земледельческая община», «где жизнь организована и не нуждается в насилии», — таков был патриархально-примитивный общественный идеал Толстого, противопоставленный им как демократической республике, так и социалистическому общественному строю. Демократическое содержание этого крестьянского идеала и его утопический в условиях высокоразвитого капитализма характер с предельной ясностью раскрыл В. И. Ленин, указывавший на то, что «уравнительность» землепользования... идея равенства мелких производителей реакционна, как попытка искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции. Пролетариат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного обобществленного производства. Но та же идея равенства есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач». ³

¹ Т. 36, стр. 159.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 183.

³ Там же, т. 12, стр. 316.

Историческое своеобразие первой русской революции состояло в том, что это была буржуазно-демократическая революция в эпоху империалистической стадии развития мирового капитализма, что открывало перед ней вполне реальные перспективы перерастания в революцию социалистическую. Крестьянским массам на этом историческом этапе еще не было доступно понимание смысла и содержания происходившего в России демократического переворота, его значения для победы социалистической революции в стране.

Будучи выразителем крестьянских идей и настроений, Толстой не мог сознавать того, «что самая полная «воля» и самое «справедливое» распределение хотя бы даже и всей земли не только не уничтожит капитализма, а, напротив, создаст условия для особенно широкого и могучего его развития»¹ и тем самым откроет путь к социалистическому переустройству общества. Но Толстой с исключительной силой отразил в своем творчестве и учении антикапиталистический протест крестьянских масс и, несмотря на утопизм своих воззрений, поставил целый ряд конкретных вопросов демократии и социализма, явился глубоким критиком капиталистического строя.

Отвращение к буржуазному миропорядку, желание избавиться от жестокой власти капиталистических отношений неизменно преследовало Толстого, когда он раздумывал над вопросами собственно русской жизни, отражавшими нарастание в стране буржуазно-демократической революции.

В годы революции Толстой постоянно обращается к истории буржуазных революций в Европе, к исторической практике крупнейших буржуазных государств. Особо пристальное внимание Толстой уделяет истории первой буржуазной революции во Франции. Это обстоятельство весьма примечательно.

Ленин указывал, что цели первой русской революции, к которым она непосредственно стремилась, «почти в полном объеме осуществила буржуазная революция во Франции в 1792 и 1793 гг.».²

Аналогия между этими двумя революциями, происходившими в разных странах и на различных исторических этапах, в известной мере была ясна и Толстому. Он видел ограниченность

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 282.

² Там же, т. 23, стр. 231.